

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ RUSSIAN PHILOLOGY

УДК 882
ББК Ш 5(2=Р)7-09

*Надежда Борисовна Анциферова,
кандидат филологических наук, доцент,
Забайкальский государственный университет
(Чита, Россия), e-mail: lera_anz@mail.ru*

Языковая картина текста как отражение авторской модели мира (на материале мемуарного рассказа «Бабушка» Б. Ахмадулиной)¹

В статье рассматривается языковая картина мемуарного рассказа «Бабушка» Б. Ахмадулиной. Для вычленения и систематизации способов и приёмов создания языкового пространства текста используется контекстологический анализ; при распределении языковых единиц по ярусам с последующим перераспределением в состав изобразительно-выразительных средств применяется челночный метод. Актуальность данной работы заключается в том, что выявление, описание и систематизация составляющих творческого метода автора позволяют определить маркеры идиостиля в целом. Анализ и интерпретация наиболее показательных контекстов позволяют сделать вывод: в основе языковой картины рассказа лежит вертикальная метафоризация, окказиональность словоупотребления и антонимичность парадигмы семантического наполнения. Исследуется языковая структура образа рассказчика, архаическое мироощущение которого определяет характер языкового пространства текста. Внимание уделено также способам и приёмам создания образа бабушки.

Ключевые слова: вертикальная метафоризация, идиостиль, метафорическая перифраза, окказиональный словесный ряд, синестетическая метафора, языковая картина мира, языковая структура образа, языковое пространство текста.

*Nadezhda Borisovna Antsiferova,
Candidate of Philology, Associate Professor,
Zabaikalsky State University
(Chita, Russia), e-mail: lera_anz@mail.ru*

Language Picture of a Text as Reflection of Author's Model of the World (Based on B. Akhmadulina's Memoir Story *Grandmother*)

The article considers the language picture of the memoir story *Grandmother* by B. Akhmadulina. To emphasize and systematize the ways and methods of the text language space creation, the context analysis is used; a shuttle method is applied for distribution of the linguistic units in tiers with the subsequent redistribution in structure of graphic means of expression. Relevance of this work is that identification, description and systematization of the components of the author's creative method allow one to define markers of individual style as a whole. The analysis and interpretation of the most indicative contexts allow drawing a conclusion: vertical metaphorization, occasional word usage and antonymous paradigm of the semantic filling are at the heart of the language picture of the story. The language structure of an image of the story-teller, whose archaic attitude defines the character of the text language space, is investigated. The ways and methods of the grandmother's image creation are also paid attention to.

Keywords: vertical metaphorization, individual style, metaphorical periphrasis, occasional word group, metaphor of feelings, language picture of the world, language structure of an image, language space of the text.

Поэтический мир Б. Ахмадулиной подчинён архаическому мироощущению автора, организован стремлением жить и чув-

ствовать в выдуманной реальности (см.: И. Бродский, Е. Шварц, И. Шевелёва и др.). Эта же мысль может быть отнесена и к ме-

¹ Работа выполнена при финансировании темы в рамках Государственного задания вузу (№ 6. 3652. 2011).

муарной прозе поэтессы, поскольку идиостиль есть одновременная экспликация эмоционально-образной памяти и когнитивных структур сознания пишущего.

Обратимся к рассказу «Бабушка», архаически-языческое пространство которого организовано образом рассказчика-внучки, фрагментарно вспоминающей не столько факты, сколько ощущения и впечатления от них. Необходимо отметить, что «Объект прочтения» в повествовании – даже если это собственное прошлое человека – никогда не остаётся равным себе. Очевидно, что личный опыт не есть фиксированная совокупность событий, их участников, мест и дат; все они существуют в сознании не как «гербарий» из «памятных листов», а как puzzle, в котором каждый элемент сам по себе не имеет значения – и лишь сложенные вместе «случайные» фрагменты образуют связную и понятную картину» [3, с. 15].

Непосредственность и одновременно креативность, красочность детского восприятия эксплицируются в языковой структуре образа рассказчика, в первую очередь, за счёт синестетических метафор и метонимий. Именно так, интерсенсорно и ассоциативно, ощущает, усваивает и описывает окружающую действительность (и социум, в частности) ребёнок, достигший дошкольного возраста и накопивший определённый когнитивный и эмоционально-образный опыт.

Необходимо отметить, что метафоры и метонимии, часто развёртываемые эпитетами и олицетворениями, представлены по всей вертикали рассказа – как выразительные средства, как образы, как композиционные приёмы. При этом ткань текста отшлифована и огранена Б. Ахмадулиной-автором, что отражено в синтаксисе и стилистической принадлежности лексики. Обратимся к примерам:

1) «*Может быть, из-за этой, всё упрощающей единственности моей, бабушка, холодком осенившая мужей, неточно делившая любовь между дочерьми, с болью и скрипом резкого торможения, свою летящую, рассеянную, любвеобильную душу остановила на мне*» [4, с. 375]. Представленная в предложении развёрнутая метафора дихотомична по лексическому наполнению: уменьшительно-ласкательное, характерное для повседневного обще-

ния «холодок» зависит от высокого «осенившая»; книжно-поэтическое «летящая, любвеобильная душа» перемещается в бытовую плоскость эпитетом «рассеянная» и неузуальным сочетанием «душу остановила на мне» (по аналогии – остановить взгляд, выбор, внимание). Абстрактное существительное «торможение» приобретает физически ощущаемые характеристики – «с болью и скрипом». Конечно, осложнённое обособленными распространёнными определениями и рядами однородных членов предложение не характерно для речи ребёнка, однако живость, образность и острота детского мироощущения рассказчика сохраняются;

2) «*Они холодно и без восхищения установились на мой бодающе-насуспенный лоб и одновременно пустили в меня острые стрелы ладоней*» [4, с. 380]. Столкновение разговорного «установились на мой бодающе-насуспенный (окациональное словообразование) лоб» и поэтического «пустили в меня острые стрелы ладоней» передаёт атмосферу ситуации: рассказчик-девочка предстаёт как бесстрашный воин, демонстрирующий презрение к пленившим его врагам (см. выделенное подчёркиванием).

Эта же черта характера рассказчика эксплицируется вokkaциональном эпитете: «<...> долго ещё смотрела на неё восточным, исподобным способом» [4, с. 374].

Окациональное словообразование, характерное для поэтов-шестидесятников, в языковой ткани исследуемого текста возможно рассматривать как речевой показатель детского (= архаического) мировосприятия (ср., например, К. И. Чуковский «От двух до пяти»). Приведём примеры:

1) «*Последний раз, после долгого перерыва, я увидела бабушку уже больной предсмертием <...>*» [4, с. 386]. Ребёнок в силу возраста не готов принять, а тем более осознать смерть близкого человека как неизбежный факт бытия, поэтому последние дни бабушки воспринимаются рассказчиком как обычная болезнь, после которой человек снова вернётся к привычной жизни. Окациональное «предсмертие», выступающее как номинация неизвестного пока рассказчику заболевания, включается в стандартизированное управление «больной чем-то» (ср.: большой гриппом, большой простудой).

2) «<...> **свежее азиатство отца**, настолько подарком внесённое в путаницу кровей, освободит меня от её [бабушкиного] **опрометчиво-осторожного полуколдовства**, даст мне жить и умереть за пределами тусклости...» [4, с. 377]. Эпитет «свежее» при окказиональном существительном со значением отвлечённого признака «азиатство» (азиат – азиатство) позволяет заменить развёрнутое антропологическое описание. Эпитет «опрометчиво-осторожное», задающий максимально полярную характеристику, в сочетании с «усреднённой» семантикой абстрактного (окказионального по словообразовательной природе) понятия «**полуколдовство**» усиливает зыбкость, нечёткость границ между реальной действительностью и архаически-языческим миром, с которым идентифицирует себя рассказчик.

Необходимо отметить, что детям не свойственно окказиональное словообразование абстрактных существительных и полимотивированных сложных прилагательных, однако создаваемые в результате метафоры-образы близки языковому пространству русских сказок и легенд, стилистике языческого мировосприятия. Именно в таком «формате» мыслит и ощущает ребёнок: поместить на привычный бытовой уровень не укладывающуюся в сознании абстракцию, «опредметить» её, наделить понятными физическими характеристиками, «поставить» в уже пережитые, прочувствованные ситуации. Обратимся к примерам:

1) «**Чаще всего она [бабушка] вспоминается мне большой неопределённостью**, в которую, **густым облаком любви**, сомкнувшись надо мной, но не стесняющим моей свободы...» [4, с. 373]. Не имеющая физических параметров «неопределённость» приобретает размер «большой» (в детстве всё и все кажутся большими) и тактильно воспринимаемой плотности – «**мягко уходят голова и руки**». Плотностью обладает и «**густое облако любви**», своеобразным колпаком защищающее рассказчика-девочку от пугающей окружающей действительности. При этом отсутствует конкретное описание внешности бабушки (рост, фигура, цвет волос и глаз и т. п.), поскольку воспоминания рассказчика основаны на чувственном, интерсенсорном опыте;

2) «**Её разум, тесный для страстного неразумия**, которым она захворала когда-то, **мятущийся, суматошный, не прекративший своего ищущего бега даже перед преградой лечения**, неопределённо **тоскующий** о препятствиях, **замер наконец и угомонился** под спасительным шоком моего появления на свет» [4, с. 375]. Первое обособленное распространённое определение характеризует разум как некое вместилище (соответственно, неодушевлённое), однако благодаря ряду последующих однородных определений происходит олицетворение: разум уподобляется романтическому герою (**мятущийся, суматошный, не прекративший своего ищущего бега, тоскующий**), с трудом нашедшему себя (**замер и угомонился**) в рождении новой жизни;

3) «**Бабушка отчётливо помнила всё, что противостояло её скромной тишине**, видимо, **тоскуя по бурности**, которую **велел ей шальной юг шарманщика и возбраняла жестокая умеренность матери**» [4, с. 379]. Антонимичные образы построены на метафорическом олицетворении: «**шальной юг шарманщика**» = свободный от обязательств, прожигающий жизнь молодой человек (по аналогии – шальная молодость, шальной парень); «**жестокая умеренность матери**» = консервативная, замужняя женщина, воспитывающая детей в пуританских традициях. Полярность образов по гендерному и морально-этическому признакам усиливается через глаголы речи с антонимичным значением (**велеть – возбранять**). Воссоздаваемая рассказчиком дихотомия – экспликация мироощущения бабушки: выбрав **скромную тишину**, она **тоскует по бурности**. Думается, антитеза и метафоризация занимают всю вертикаль рассматриваемого контекста (троп – образ – композиционный приём);

4) «**Но бабушка, может быть, из-за безумия, кротко жившего в ней, своей влюблённой в меня слепотой чутко провидела кривизну моих причуд и никогда не гневил моего гордого и придирчивого детского целомудрия**» [4, с. 374]. Вновь в основе образа лежит метафорическое олицетворение (**безумия, кротко жившего в ней; влюблённой в меня слепотой; придирчивого целомудрия**) и антитеза (**безумие – кротко, слепота – чутко провидела**);

5) «Особенно жестоко стыдилась я родных – к немногим людям одной со мною крови, породившим меня, я навсегда сохранила **неловкую, больную, кровавую корявость, мукой раздирающую организм**» [4, с. 373]. Эпитеты «неловкая, больная, кровавая, раздирающая» через градацию не только опредмечивают отвлечённую характеристику «корявость», но и делают её вызывающей физическое отвращение. Высшую степень дискомфорта позволяет выразить окказиональное использование наречия «жестоко»;

6) «Чопорные, **чёрно-нарядные, вечно-живые старухи с брезгливым ужасом переступили порог бабушкиного беспорядка, подхватив юбки над опасным болотом пола, населенного нечистью наших зверей**» [4, с. 379]. Эпитет «чёрно-нарядные» образован сложением двух качественных прилагательных, однако компонент со значением цвета (описательная функция) окказионально сочетается с компонентом другой тематической группы, объединённой гиперонимом «красивый» (оценочная функция). Подобное словопотребление не характерно для прилагательных-колоративов, однако достаточно частотно в детской речи. Полимотивированные адъективы позволяют реализовать контекстную «авторскую» проекцию: чёрный цвет в красочном мироощущении ребёнка ассоциируется с официальными мероприятиями и торжествами, серьёзностью обстановки, сдержанным образцовым поведением. Метафоричен эпитет «вечно-живые»: компонент «вечно» со значением «константный, бессрочный» уплотняет семантику компонента «живой». Всякое живое конечно, поэтому возникает некая антонимичность внутренней формы адъектива, объяснимая, однако, архаически-языческой установкой языковой картины текста.

Бабушкина квартира запечатлелась в воспоминаниях рассказчика-девочки как синестетический метафорический образ, который выражается в ткани повествования «нанизыванием» выразительных средств. Абстрактное существительное «беспорядок» опредмечивается через притяжательное прилагательное «бабушкин» и существительное «порог». Порог имеют конкретные здания/сооружения, поэтому в сознании читателя, опирающегося на

опыт зрительного анализатора, происходит когнитивная замена: порог бабушкиной квартиры = порог бабушкиного беспорядка; значит, бабушкина квартира = беспорядок. Семантика воссоздаваемого образа «сгущается» метафорой «опасное болото пола», рисующей квартиру как запущенное, заросшее, вязкое, с характерным неприятным запахом место (зрительный и обонятельный анализатор). Обособленное распространённое определение «населённого нечистью наших зверей» актуализирует ещё одно значение слова «болото»: в языческих представлениях – топь, трясины, где обитает нечистая сила (прибавляется опыт слухового восприятия). Субъектный эпитет «брезгливый» (этим качеством может обладать только одушевлённый предмет) при абстрактном существительном «ужас» передаёт характер отношения окружающих не только к описываемой квартире, но и к её хозяйке. Так, всего в одном предложении рассказчик воссоздаёт образ бабушкиной квартиры: пропитанная грязью и запахом домашних животных, плохо освещённая, она предстаёт как пантеистическое жилище языческого божества; хаос, царящий здесь, – основа будущего миропорядка.

Такому же архаически-пантеистическому мироощущению рассказчика подчинены перифразы, включённые в языковую структуру ключевого образа. Обратимся к тексту:

1) «Однажды, когда тиканье **малых пульсов, населивших её комнату, грозило перерасти в сокрушительный гул, я купила и принесла домой только что вылупившегося инкубаторного цыплёнка**» [4, с. 383]. Детям, не постигшим ещё понятия «жизнь» и «смерть» в силу их ментальных особенностей возраста, свойственно по-разному относиться к домашним животным и птицам – как к игрушкам, за которыми быстро надоедает ухаживать, или же как к друзьям/членам семьи, существующим априори. Однако ребёнок достаточно долго не идентифицирует питомца как живое, смертное существо, лишаемое жизни в мгновение. Для рассказчика-девочки многочисленные домашние животные и птицы, нашедшие приют в бабушкиной квартире, – прежде всего «малые» жизни. Тонкость восприятия усиливается гиперболизацией – «тиканье <...> грозило перерасти в сокрушительный гул»;

2) «Поникнув плачущей головой, я медленно спустилась по лестнице и уселась на пол за дверью, охраняя ладонью **крошечную желтизну**» [4, с. 383]. Перифраза «крошечная желтизна» полифункциональна: она не только метафорически заменяет номинацию «цыплёнок», но и в сочетании с деепричастием «охраняя» передаёт сложность эмоционального состояния рассказчицы-девочки – растерянной (*медленно спустилась по лестнице*), искренне не понимающей (*поникнув плачущей головой*), почему взрослые так небрежны с чужой жизнью;

3) «<...> мне пришла сложная, горячая мысль убить **маленькое вздыхающее горло**, и я примерила круг двух пальцев к **узкому ручейку крови и воздуха**, беззащитно текущего сквозь него» [4, с. 383–384]. В данном примере метафорическая перифраза, максимально наполненная языческим мироощущением «воздух – вздох – кровь – жизнь», используется дважды, замещая номинации «цыплёнок» и «горло».

Архаическому сознанию рассказчицы подчинён образ бабушки, элементы языковой структуры которого мы уже частично рассматривали в рамках данной статьи, однако обратимся к более показательным контекстам:

1) «**Предубеждённым** глазом злого начальника, ищущего желанного изъяна, я, сквозь **боль мыла**, косилась на бабушку, на её маленькое жалкое тело с **большой, подрагивающей головой**, <...> **на нетвёрдые беленькие ноги**» [4, с. 374]. Образность предложения создаётся за счёт увеличения семантической плотности, которая достигается последовательностью когнитивных замен: метонимические переносы «предубеждённый взгляд – взгляд есть выражение глаз – предубеждённый глаз», «нетвёрдо, неуверенно стоять – стоять на ногах – нетвёрдые ноги» (думается, можно говорить о метонимических эпитетах); метафорический перенос «боль в глазах от мыла – боль мыла» осуществляется по модели «боль от утраты – боль утраты», однако на месте традиционного абстрактного существительного со значением чувства оказывается вещественное, называющее осязаемый предмет;

2) «Её суровая, непреклонная мать всё чаще покидала **гаснущее** имение на про-

извол пьяных и сумасшедших людей, <...> чтобы прижать к груди **большую голову нелюбимого ребёнка**» [4, с. 381]. Как и в предыдущем примере, образ бабушки имеет два акцента. Во-первых, при описании внешности акцент сделан на несоразмерности, даже некотором «уродстве» телосложения: «**маленькое <...> тело с большой, подрагивающей головой**», «**большую голову <...> ребёнка**». Во-вторых, говоря об отношении окружающих (в частности, себя) к бабушке, рассказчик-внучка вновь приходит к мысли о некой «дефективности», «невписываемости» в норму: эпитет «жалкое» (тело) и обособленное определение «**ищущий желанного изъяна**» (начальник) выражают скорее определённую степень пренебрежения, а не сострадания; ребёнок оказывается **нелюбимым**.

Отметим, что в языковой структуре образа бабушки, создаваемого широким спектром тропов и композиционных приёмов, достаточно частотно окказиональное словоупотребление наречий (как разновидности композиционно-грамматического сдвига [1; 2]). Композиционно-грамматические окказионализмы, как и словообразовательные, обладают высокой семантической ёмкостью, а потому выполняют значительную художественно-эстетическую нагрузку, повышая плотность языкового пространства. Это позволяет говорить о наличии в исследуемом рассказе окказионального словесного ряда, являющегося не только элементом языковой структуры образа бабушки, но и текстообразующей категорией. Обратимся к тексту:

1) «<...> бабушка была очень высокая, – много выше мужчины в нарядных праздничных усах, запечатлённого рядом с ней, **сильно и угрюмо стройная**, с мощно-свободной теменью итальянских волос, с **безмерными глазами**, паническая обширность которых занесена в недоброе предвидение какого-то тщетного и губельного подвига» [4, с. 375]. Окказиональные наречия «сильно» и «угрюмо» вновь подчёркивают, что фигура бабушки, несмотря на высокий рост, нескладная. «**Безмерные глаза**» (метафорический эпитет: бескрайнее море – глаза как море – **безмерные глаза**), казалось бы, должны придавать красоту женщине любого возраста, но заключённая во взгляде «**паническая** (метафорический эпитет) **обширность**» отражает безумие и отталки-

вает, а не располагает. Кроме того, взгляд, в котором читается «*недоброе предвидение какого-то тщетного и гибельного подвига*» (сгущение отрицательной семантики через градацию), сближает образ бабушки с языческими образами колдунов и ведуний. Подобный взгляд в реальной жизни одновременно завораживает и пугает; такие же дихотомичные впечатления эксплицируются рассказчиком-девочкой в воспоминаниях о бабушке;

2) «<...> бабушка, ещё с моего младенчества, как-то робко, восхищённо, не близко любила меня, даже ласкать словно не смела, а больше смотрела издали огромными, до желтизны просветлевшими глазами, пугавшими страстным выражением доброты и безумия, навсегда полупротянув ко мне руки» [4, с. 373]. Чувства бабушки к внучке необычны, особенны; они существуют, как и сознание носителя, на грани безумства и адекватности, а потому во многом непонятны ребёнку. Закономерно, что рассказчик передаёт эти чувства через развёрнутую метафору, в основе которой лежит не только окказиональное словоупотребление, но и антонимичность значений лексического наполнения. Привычный, частотный в описании отношений между большинством бабушек и внуков глагол «любить» в языковой картине рассказа «обрастает» рядом дихотомичных по семантике обстоятельств «как-то робко, восхищённо, не близко» и окказиональным «полупротянув». Вновь рассказчик останавливается на *огромных глазах* бабушки, одновременно «просветлевших» и «пугавших», выражающих доброту и безумие. Аналогичные воспоминания-ощущения рассказчика в парадигме «безумие – смирение» представлены в следующем примере;

3) «Бабушкины разнонаправленные нервы <...> сосредоточились на мне, и это не было моей заслугой, – бабушка заранее, за глаза, неустово, горько и благоговейно полюбила меня 10 апреля 1937 года» [4, с. 375]. Отметим, что в данном контексте вектор бабушкиных чувств направлен от буйства страстей к умиротворению, от хаоса – к порядку: *разнонаправленные нервы* → *сосредоточились на мне*; *за глаза* (разговорное), *неустово* → *горько, благоговейно* (высокое)».

Интерпретация показательных контекстов позволяет утверждать, что образ бабушки, подчинённый мироощущению рассказчика, основан на антонимичности лексического наполнения, уплотнении языкового пространства окказиональным словоупотреблением и словообразованием и вертикальной метафоризации.

Таким образом, представленное в рамках данной статьи исследование позволило выявить, описать и систематизировать способы и приёмы создания языковой картины рассказа «Бабушка». Основа художественной яркости, динамичности, интерсенсорности и осязаемости языкового пространства, организованного архаически-языковой точкой видения рассказчика, – вертикальная метафоризация (метафорические эпитеты и перифразы, метафорическое олицетворение), окказиональный словесный ряд и антонимическая парадигма семантического наполнения. Применительно к творческому методу названные составляющие, на наш взгляд, являются маркерами идиостиля Б. Ахмадулиной.

Список литературы

1. Ахметова Г. Д. Живой литературный текст. М.: Ваш полиграфический партнёр, 2012. 232 с.
2. Ахметова Г. Д. Языковое пространство художественного текста (на материале современной русской прозы). СПб.: Реноме, 2010. 244 с.
3. Кучина Т. Г. Поэтика русской прозы конца XX – начала XXI в.: перволичные повествовательные формы: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Ярославль: ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2008. 43 с.

Источник

4. Ахмадулина Б. А. Друзей моих прекрасные черты. М.: Астрель: Олимп, 2009. 507 с.

References

1. Ahmetova G. D. Zhivoj literaturnyj tekst. M.: Vash poligraficheskij partnjor, 2012. 232 s.
2. Ahmetova G. D. Jazykovoe prostranstvo hudozhestvennogo teksta (na materiale sovremennoj russkoj prozy). SPb.: Renome, 2010. 244 s.
3. Kuchina T. G. Pojetika russkoj prozy konca XX – nachala XXI v.: pervolichnye povestvovatel'nye formy: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk. Jaroslavl': JaGPU im. K. D. Ushinskogo, 2008. 43 s.

Istochnik

4. Ahmadulina B. A. Druzej moih prekrasnye cherty. M.: Astrel': Olimp, 2009. 507 s.

Статья поступила в редакцию 21.01.2013